
МИГРАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.12

Правильная ссылка на статью:

Лисицын П. П. От суннизма ханафитского мазхаба к салафитизму: общественное мнение и опыт мигрантов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 234—250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.12>.

For citation:

Lisitsyn P.P. (2018) From the Sunni Hanafi Madhhab to Salafism: Public Opinion and Migrant Experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 234—250. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.12>.

П. П. Лисицын

**ОТ СУННИЗМА ХАНАФИТСКОГО МАЗХАБА К САЛАФИТИЗМУ:
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ОПЫТ МИГРАНТОВ**

ОТ СУННИЗМА ХАНАФИТСКОГО МАЗХА-
БА К САЛАФИТИЗМУ: ОБЩЕСТВЕННОЕ
МНЕНИЕ И ОПЫТ МИГРАНТОВ

FROM THE SUNNI HANAFI MADHAB
TO SALAFISM: PUBLIC OPINION AND
MIGRANT EXPERIENCE

*ЛИСИЦЫН Павел Петрович — кан-
дидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, Санкт-
Петербург, Россия; доцент, Санкт-Пе-
тербургский государственный универ-
ситет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: fox_sociology@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-8617-5730>*

*Pavel P. LISITSYN^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.);
Associate Professor
E-MAIL: fox_sociology@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-8617-5730>*

Аннотация. Ключевой вопрос, ответ на который автор статьи пытается дать: «Каковы социальные условия перехода участников миграционного процесса в радикализованные сети?». Для ответа на этот вопрос, исследователь-

Abstract. The author examines social prerequisites of labor migrant involvement in the activities of organizations adhering to radical beliefs. The paper is based on a study carried out by a team of researchers from St Petersburg

ским коллективом СПбГЭУ и СПбГУ было проведено исследование в Таджикистане и Киргизии — ключевых донорах иностранной рабочей силы для России. Автор выявляет социальные предпосылки идеологической радикализации транснациональных мигрантов (т. е. тех условий, в которых они могут стать идеологическими радикалами) анализирует общественное мнение относительно радикальных групп в этих странах. В качестве примеров приводятся собранные материалы, описывающие фон двух совершенных переходов в радикализированные группы. В силу специфики исследуемых регионов в качестве радикализированной группы рассматривается движение «Салафи», запрещенное в рассматриваемых государствах. Таким образом, в статье, показываются примеры перехода в салафитизм из более распространенного суннизма ханафитского мазхаба, анализируются социальные условия этого перехода, а также отношение к нему местных жителей.

Ключевые слова: салафитизм, суннизм, радикализм, социальная конверсия, трудовая миграция

Благодарность. Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-20107.

State University of Economics and St Petersburg University in two countries being the key donors of labor force for Russia, Tajikistan and Kyrgyzstan. The author identifies the social prerequisites for ideological radicalization of transnational migrants (i. e. favorable conditions to become an ideological radical) and analyzes public opinion concerning the radical groups in these countries. As an example the author uses the collected materials exploring the background of two conversions to radical groups. Taking into account the countries' specifics, the paper considers the Salafism movement (banned in both countries) as a radical group. Thus, the author illustrates examples of conversion to Salafism from the more popular Hanafi Madhhab School of Sunni Islam, describes the social conditions of the conversion and the attitudes of the local residents towards this movement.

Keywords: Salafism, Sunni Islam, radicalism, social conversion, labor migration

Acknowledgments. The article was supported by the Russian Science Foundation, project no. 17-78-20107.

Теоретические основания исследования

Представленное в настоящей статье исследование в большей степени относится к направлению, которое принято называть migration studies. Несмотря на то что все исследовательские процедуры проходили на территории государств — доноров иностранной рабочей силы, а информантами выступали граждане этих же государств, отнесение к данной области знания может быть аргументировано следующим образом. Во-первых, автор стоит на позиции, когда участие в миграционном процессе разделяется на два этапа: «стремление к обретению статуса мигранта»

и «стремление к отказу от статуса мигранта» [Лисицын, 2016]. Первый этап характеризуется системой действий, направленных на отъезд из региона-донора, а значит, изучение процессов в странах исхода напрямую относится к migration studies. Во-вторых, исследование проводилось в двух государствах, занимающих лидирующие позиции в поставке рабочей силы в Россию (республика Таджикистан, Республика Киргизия)¹, кроме того, информантами выступали граждане, имеющие опыт работы в России, следовательно, представленное исследование описывает качественные характеристики потенциальной иностранной рабочей силы в России.

Необходимо также отметить, что работы, связанные с изучением радикализации и социальной конверсии (две основополагающие для этой статьи категории), уже на протяжении 30 лет предоставляют дискуссионное поле для исследователей различных направлений.

Используемое автором понятие «радикализация» доминирует в дискуссиях о процессах, ведущих к причастности к терроризму. Ученые, политики, журналисты и широкая общественность обсуждают участие в терроризме как результат радикализации [Crone, 2016], однако очевидно, что принятия радикальных взглядов не всегда достаточно для вовлечения в терроризм. Большинство «радикалов» не становятся причастными к терроризму, а террористы, в свою очередь, не всегда руководствуются своими убеждениями [Abrahms, 2008; Bartlett, Miller, 2012]².

В исследованиях вовлечения в террористические организации доминируют попытки понимания и объяснения процесса радикализации и сопутствующих мотивов. Классическим при таком подходе можно считать определение радикализации, данное в исследовании Нью-Йоркского полицейского департамента 2007 г.: «процесс поиска, нахождения, принятия, укрепления и развития системы верований экстремистской направленности, являющийся потенциальным катализатором вовлечения в террористический акт» [Silber, Bhatt, 2007: 16].

Взгляды радикального толка (какими бы они ни были) могут считаться частью демократического политического режима до тех пор, пока они не приводят к нарушению закона. Терроризм же не приемлет никакого компромисса и допускает отсутствие любых ограничений в целях и средствах их достижения [Schmid, 2013]. Соотношение радикализма и терроризма можно описать как различные точки на шкале, отражающей, до какой степени насилие рассматривается как легитимное и необходимое на пути достижения кардинальных изменений. Таким образом, радикалы рассматривают насилие как легитимное только при определенных обстоятельствах, в то время как террористы всегда выступают за достижение своих целей посредством насилия.

В последнее десятилетие исследователи [Dawson, 2009; Porta, LaFree, 2012] и государственные учреждения пришли к тому, чтобы рассматривать радикализацию более широко — как процесс, ведущий к вовлечению в террористическую

¹ Щербакоева Е. Миграция в России, предварительные итоги 2017 г. // Демоскоп № 763 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/barom01.php> (дата обращения: 05.08.2018).

² См. также: Kniefel J. Everything You've Been Told About Radicalization Is Wrong // Rolling Stone, 6 May 2013. URL: <https://www.rollingstone.com/politics/politics-news/everything-youve-been-told-about-radicalization-is-wrong-80445> (accessed 10.12.2018).

деятельность. Несколько комплексных моделей вовлечения в терроризм (например, модель «лестницы» Ф. Могаддама (Moghaddam's staircase) [Moghaddam, 2005] и модель «пирамиды» К. МакКоули и С. Москаленко [McCauley, Moskalenko, 2011]), также согласуются с этой интерпретацией радикализации.

Основная часть исследовательского интереса и государственного финансирования направлена на создание баз данных на уровне инцидентов (incident-level database) или количественный анализ [McCauley, Moskalenko, 2011]. Лишь немногие рассматривают, как индивиды вовлекаются в террористические и радикализованные сети и сообщества, а также социальные условия, способствующие этому процессу, однако именно эта проблема и стоит перед автором настоящей статьи.

Небольшое количество исследований по представленной тематике связано с тем, что терроризм и радикалистические проявления остаются достаточно редким явлением — лишь малая часть людей готовы вступить в группы экстремистской направленности, даже если они разделяют их политические и иные цели [Atran, 2006]. Радикальные взгляды поддерживает гораздо большее количество людей, чем готово участвовать в насильственных действиях.

Исследования психологов посвящены индивидуальным факторам подверженности радикализации и вступления в террористические организации, они также не лишены своих недостатков и сложностей [Victoroff, 2005]. Однако основным пробелом психологических теорий является «оторванность» от более широкого контекста, в том числе сравнительно-исторической перспективы. Кроме того, при изучении радикализации и связанных с ней процессов необходимо учитывать специфику социальных структур на различных уровнях, способствующих или препятствующих актуализации индивидуальных особенностей индивидов. Каждый человек подвергается влиянию на нескольких уровнях: индивидуальный психический (биографический), групповая динамика и социально-структурные условия. К примеру, если у иммигранта есть опыт индивидуальный дискриминации, это может привести к дальнейшей замкнутости в определенном сообществе и/или ощущению маргинализированности и собственной незначительности. Маргинальное положение в дальнейшем негативно влияет на полноценное включение иммигранта в институты и структуры принимающего сообщества, что делает его более восприимчивым к поддержке радикальных и экстремистских взглядов [Lyons-Padilla et al. 2015].

Радикализацию логично исследовать в связке с примерами перехода, социальной конверсии. В настоящее время религиозная конверсия в радикализованные формы ислама считается одним из основных факторов, влияющих на вероятность вовлечения в террористические действия. В литературе религиозная конверсия изучается неразрывно с радикальными индивидуальными изменениями. Р.К. Джонс [Jones, 1978] проводит параллель с идеей Т. Куна о смене парадигм, Д.А. Сноу и Р. Мачалек [Snow, Machalek, 1983], используя концепт Г. Мида «универсум дискурса», пишут о смене одного универсума другим, или восхождении прежде периферийного дискурса в статус основного.

Кроме того, с конца 1970-х годов в литературе по социологии религиозной конверсии намечается критика теорий, рассматривающих индивида как «пассивного и вовлекаемого в группу, манипулирующую ей/им с целью навязать когнитивную

и поведенческую приверженность своей системе верований и институциональной структуре» [Straus, 1979]. Фокус смещается на индивидуальное действие — как человек вовлекается в поиск более подходящего мира повседневности. В модели Р. Страуса индивид рассматривается как активный в поиске, целенаправленно использующий социальные сети, случайные встречи, массмедиа и т. д. А. Л. Грейль [Greil, 1977] добавляет к социально сетевому подходу измерение социализации. Заимствуя понятие «испорченной идентичности» у И. Гофмана, автор утверждает, что те индивиды, чья идентичность была «испорчена», более склонны к конверсии. Социализация в этом случае влияет на конверсию посредством того, что задает определенный ограниченный набор возможных перспектив конверсии. М. Хайрих [Heirich, 1977] замечает, что социальные сети важны, но только в том случае, если человек уже изначально ориентирован на религиозный поиск.

На эмпирическом уровне фиксации в основном подвергается уже факт перехода, конечный результат, измеряемый тремя основными показателями: статусом членства, направленными на его демонстрацию действиями и риторическими паттернами [Snow, Machalek, 1983].

Представленное описание принятой структуры исследования радикализма и социальной конверсии определило дизайн настоящего исследования, выбор методологии и методов. Фокусировка на социальных условиях, способствующих процессу радикализации, и на механизмах вовлечения в радикализированные сети сформировала структуру статьи. Так, анализ вторичной информации, в том числе статистических данных, позволил осветить социальные условия, в которых пребывают участники миграционных процессов в Таджикистане и Киргизии. Вместе с тем авторский сбор первичных данных, проходивший в течение 2017 г. в Таджикистане и Киргизии (в Душанбе, Бишкеке и Чолпон-Ате), дал возможность шире раскрыть социальные условия перехода, а также исследовать конкретные случаи вовлечения молодых мужчин в радикализированные сети.

Выбранные качественные социологические методики для сбора информации стали возможны к применению благодаря данным количественных исследований ряда организаций. Кроме того, метод глубинных интервью был единственно возможным при работе с косвенными свидетелями перехода в радикализированные сети. В исследовании участвовали две группы информантов: а) граждане республик (24 информанта); б) знакомые или родственники последователей салафитизма в республиках (четыре информанта, по два для каждого случая). Целью проведения интервью с первой группой было определение отношения к идеям религиозного радикализма и к участникам движений подобной направленности, со второй группой — освещение конкретных случаев перехода, что является первым шагом к глобальной цели выявления механизмов привлечения граждан в радикализированные сети.

Разбор кейсов республик Таджикистан и Киргизия

Для сравнительного анализа выбраны две республики Средней Азии — Таджикистан и Киргизия. Причины выбора именно этих государств продиктованы следующими обстоятельствами. Во-первых, они входят в состав Содружества независимых государств, что предоставляет их гражданам особый режим при

пересечении границы с Россией и при легализации на ее территории. Во-вторых, обе страны лидируют в поставке трудовых ресурсов в Россию³. В-третьих, исламизация населения в этих странах превышает 80 %⁴. В-четвертых, в обеих странах в качестве исламского направления преобладает суннизм ханафитского мазхаба. Однако для данной статьи принципиальны различия между выбранными государствами, выраженные в государственной политике в отношении религии, так как действия государственных органов оказывают влияние на попадание участников миграционных процессов в группы риска (см. табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление религиозного фона государств

Показатель / страна	Таджикистан	Киргизия
Количество мечетей	2035 мечети ¹⁾	2743 мечети ²⁾
Население	9 066 660 ³⁾	6 191 377 ⁴⁾
Вовлечение детей в религию	Да ⁵⁾	Да ⁶⁾
Прозелинизм	Да ⁵⁾	Да ⁷⁾
Запрет на распространение религиозной литературы в общественных местах	Да ⁵⁾	Да ⁶⁾
Светское государство	Да ⁵⁾	Да ⁶⁾
Получение религиозного образования за границей	Нет ⁸⁾	Да
Запрет движения «Салафи»	Да ⁹⁾	Да ¹⁰⁾

¹⁾ Треть мечетей Таджикистана закрыты [Электронный ресурс] // Красная весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/2d62ce30> (дата обращения: 04.08.2018)

²⁾ Астапкович В. За 26 лет число мечетей в Кыргызстане выросло в 70 раз — МВД [Электронный ресурс] // Sputnik Кыргызстана. URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20161121/1030394466/za-gody-nezavisimosti-kr-chislo-mechetej-vyroslo-v-70-raz-mvd.html> (дата обращения: 04.08.2018).

³⁾ Население Таджикистана [Электронный ресурс]. URL: <http://countrysimeters.info/ru/Tajikistan> (дата обращения: 04.08.2018).

⁴⁾ Население Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: <http://countrysimeters.info/ru/KYRGYZSTAN>

⁵⁾ Закон «Республики Таджикистан о свободе совести и религиозных объединениях» [Электронный ресурс]. URL <https://docplayer.ru/28762514-Zakon-respubliki-tadzhikistan-o-svobode-sovesti-i-religioznyh-obedineniyah-v-redakcii-zakona-rt-ot-g-739.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁶⁾ Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498> (дата обращения: 04.08.2018).

³ Щербаква Е. Миграция в России, предварительные итоги 2017 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп № 763. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/barom01.php> (дата обращения: 05.08.2018).

⁴ Шустов А. Исламизация Таджикистана [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2010/09/02/islamizacija-tadzhikistana-59.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁷⁾ Президент Кыргызстана подписал закон о религии [Электронный ресурс] // Аззатык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/2556185.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁸⁾ Правки в закон о свободе совести и религиозных учреждениях [Электронный ресурс]. URL: <http://tajikistan.russiaregionpress.ru/archives/3645> (дата обращения: 04.08.2018).

⁹⁾ Таджикистан официально включил движение «Салафия» в список экстремистских организаций [Электронный ресурс] // Азан KZ. URL: <https://azan.kz/ahbar/read/tadzhikistan-ofitsialno-vklyuchil-dvizhenie-salafiya-v-spisok-ekstremistskih-7030> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁰⁾ Бактыбаев З. В Кыргызстане запретили движение Салафи [Электронный ресурс] // Gezitter. URL: http://www.gezitter.org/society/15693_v_kyrgyzystane_zapretili_dvijenie_salafi (дата обращения: 04.08.2018).

Первое, на что стоит обратить внимание, это количество мечетей в исследуемых странах: на начало 2018 г. в Киргизии насчитывалось 2743 мечети при общем населении в 6 млн человек, в Таджикистане — 2035 мечетей при населении 9 млн человек. Если посмотреть на ежегодную динамику числа религиозных учреждений в этих двух странах, то становится очевидным, что на всем протяжении их существования в качестве независимых государств в Киргизии с каждым годом количество мечетей и других религиозных учреждений увеличивалось, в то время как в Таджикистане резкий рост числа мечетей регистрировался до 2000 г., а затем их количество стало сокращаться усилиями государства. К февралю 2018 г. власти Таджикистана приняли решение о закрытии 1938 мечетей⁵, так как их строительство и деятельность были признаны незаконными. Согласно поправке к закону «О свободе совести и религиозных объединениях Таджикистана» от 22 января 2018 г. «религиозные объединения, а также мечети, церкви и синагоги должны отчитываться об источниках дохода, имуществе, использовании средств и имущества, а также о заработной плате сотрудников и уплаченных налогах»⁶. Устанавливая особый порядок контроля над религиозными учреждениями, власти Таджикистана пытаются контролировать источники поступлений средств в мечети по всей стране, не приветствуя финансирование их из-за пределов государства. Реализация подобной политики, связанной с необходимостью постоянного согласования многих вопросов с государственным уполномоченным органом по делам религий, вместе с контролем над действиями имамов⁷ приводит к тому, что мечети, а также проповеди в них становятся подконтрольными государству.

Противоположная ситуация фиксируется в Киргизии. Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» в редакции

⁵ В Таджикистане закрыли почти две тысячи незаконных мечетей [Электронный ресурс] // Sputnik Таджикистана. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/main/20180205/1024650822/tajikistan-mechet-zakrytie-nezakonnnye.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁶ Закон Республики Таджикистан о свободе совести и религиозных объединениях [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/28762514-Zakon-respubliki-tadzhikistan-o-svobode-sovesti-i-religioznyh-obedineniyah-v-redakcii-zakona-rt-ot-g-739.html> (дата обращения: 04.08.2018).

⁷ В Таджикистане закрыли почти две тысячи незаконных мечетей [Электронный ресурс] // Sputnik Таджикистана. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/main/20180205/1024650822/tajikistan-mechet-zakrytie-nezakonnnye.html> (дата обращения: 04.08.2018).

от 7 декабря 2012 г.,⁸ вызвавший шквал критики правозащитных объединений⁹, выглядит гораздо мягче подобного закона Таджикистана и не предполагает особой формы финансового и идеологического контроля над религиозными учреждениями. Другими словами, власти Таджикистана эффективнее контролируют строительство и саму работу религиозных учреждений, введя де-факто запрет на частное финансирование их из-за границы и осуществляя контроль над текстами проповедников, регулируют религиозное настроение прихожан, противодействуя переходу последних из суннизма ханафитского мазхаба в другие направления ислама. В то же время властям Киргизии, по сути, неподконтрольны ни финансовые источники религиозных учреждений, поступающие в основном из арабских стран¹⁰, ни тексты проповедей, читаемых в этих учреждениях. При этом общее количество мечетей в проблемных, наиболее миграционно активных¹¹ южных регионах составляет «68% от всех религиозных объектов мусульманского духовенства в Киргизии»¹².

Помимо государственной политики контроля над религиозными учреждениями, в Таджикистане, в отличие от Киргизии, введено ограничение на получение религиозного образования за границей. Получение религиозного образования становится возможным лишь после получения религиозного образования внутри Таджикистана и письменного разрешения правительственных органов, отвечающих за религию и образование¹³. Так, к июлю 2018 г. в Таджикистан было возвращено 687 студентов медресе, обучавшихся за границей без должного разрешения. Этот закон, в свою очередь, позволяет еще тщательнее контролировать религиозных деятелей и тексты их проповедей.

Усиленный контроль в Таджикистане и относительная свобода в Киргизской республике имеют свои плюсы и минусы в отношении качественных характеристик трудовых мигрантов, прибывающих в Россию. С одной стороны, можно утверждать, что поступление трудовых мигрантов из южных регионов Киргизии в большей степени опасно для России (из-за возможного участия приезжих в радикализованных или даже экстремистских организациях), чем из контролируемого властями Таджикистана, при условии, что система контроля работает эффективно. С другой стороны, обратим внимание на данные, собранные в ходе мониторинга 2017 г. с сайта Avesta.Tj по правоприменению законов об экстремистской деятельности в Таджикистане. Мониторинг за два месяца продемонстрировал, что из шести осужденных по статьям за экстремизм подавляющее большинство было

⁸ Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498> (дата обращения: 04.08.2018).

⁹ Президент Кыргызстана подписал закон о религии [Электронный ресурс] // Азатык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/2556185.html> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁰ Токмаков А. В Киргизии стремительно распространяется Ислам [Электронный ресурс] // Ансар. URL: <http://www.ansar.ru/rightway/v-kirgizii-stremitelno-rasprostranyaetsya-islam> (дата обращения: 04.08.2018).

¹¹ Ли Л. В плену дотаций [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/06/06/oblasti-kirgizii-stradaiut-iz-za-otsutstviia-chetkoj-regionalnoj-politiki.html> (дата обращения: 04.08.2018).

¹² Астапкович В. За 26 лет число мечетей в Кыргызстане выросло в 70 раз [Электронный ресурс] // Sputnik Кыргызстана. URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20161121/1030394466/za-gody-nezavisimosti-kr-chисло-mechetey-vyroslo-v-70-raz-mvd.html> (дата обращения: 04.08.2018).

¹³ Правки в закон о свободе совести и религиозных учреждениях [Электронный ресурс]. URL: <http://tajikistan.russiaregionpress.ru/archives/3645> (дата обращения: 04.08.2018).

завербовано запрещенными организациями в России¹⁴. Другими словами, «трудо-вые мигранты, приехавшие из стран с репрессивными режимами, в которых существует только один, а именно санкционированный сверху ислам, оказываются в России в условиях непривычной для них религиозной свободы. В такой ситуации некоторые трудовые мигранты попадают под влияние исламистских проповедников, получают информацию, доступ к которой на родине был бы невозможен. То есть для некоторых Россия становится этапом транзита в ряды ИГ»¹⁵.

Таким образом, принимающая страна стоит перед дилеммой: с одной стороны, очевидно, что усиленный контроль в Таджикистане позволяет снизить риски для России в приглашении «неблагонадежных мигрантов», а низкий контроль в Киргизии эти риски увеличивает. С другой стороны, приезжие из Таджикистана подвергаются большему риску, чем приезжие из Киргизии, быть вовлеченными в радикализированные организации уже на принимающей территории.

Представленное описание позволяет утверждать, что выбранные исследовательские кейсы релевантны [Сравнительная социология, 2015] задачам сравнительного исследования, так как, с одной стороны, выделяются сходства двух территорий в отношении участия в миграционном процессе, связанном с Россией, с другой стороны, существенно различается внутривнутриполитическая ситуация в отношении контроля над религиозными практиками. Выбор методик исследования обусловлен спецификой изучаемого объекта. Исследование ориентировано, во-первых, на изучение граждан республик Таджикистан и Киргизия, вовлеченных в миграционные процессы, связанные с приездом в Россию; во-вторых, на родственников или друзей граждан республик, совершивших переход из суннизма ханафитского мазхаба в салафитизм. Так как обе группы представляются проблемными для сбора информации, были выбраны рекомендованные для исследования подобных сообществ [Юдина, 2002: 102—108] мягкие социологические методы — глубинные интервью.

При подготовке исследования мы опирались и на данные опросов по проблемам религиозности, которые проводятся в республиках силами местных исследовательских коллективов уже на протяжении 30 лет. Одно из первых исследований подобного рода было проведено в 1980-х годах по проблемам преодоления религиозных пережитков в сознании жителей Ошской области [Бектурганов, 2017: 46—51], где, в частности, собиралась статистика о религиозности опрашиваемой группы. В наше время в Киргизии количественные исследования религиозности граждан проводит Национальный институт стратегических исследований Кыргызской республики (НИСИ)¹⁶. В Таджикистане необходимо отметить исследования научных сотрудников центра социально-политических исследований «Коршинос», проводимых при поддержке ОБСЕ и правительства страны¹⁷.

¹⁴ Зыкина С. К вопросу о религиозной ситуации в Таджикистане // Ближний восток и Центральная Азия [Электронный ресурс]. URL: <http://kazanalytics.kz/к-вопросу-о-религиозной-ситуации-в-тад/> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Национальный институт стратегических исследований Кыргызской республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nisi.kg/component/content> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁷ ОБСЕ представило исследование о тенденциях радикализации в Таджикистане // Азия-Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20120620/obse-predstavila-issledovanie-o-tendentsiyakh-radikalizatsii-v-tadzhikistane> (дата обращения: 04.08.2018).

По данным республиканских социологов, исламизация в обеих странах превышает 80 % от общего числа населения [Дюшенбиев, 2011]¹⁸. При этом преобладает суннизм ханафитского мазхаба. Результаты проведенных в Таджикистане и Киргизии исследований демонстрируют, что осуждают и испытывают беспокойство от «групп риска» около 83 % от общего числа опрошенных¹⁹, а экстремизм вызывает серьезную озабоченность у всего населения в целом [Чотаев Турсунбеков, 2015]²⁰.

Таким образом, таджикские и киргизские исследования подтверждают утверждение, что большинство мусульман в этих странах принадлежат к суннизму ханафитского мазхаба, а значит, остальные исламские течения находятся в позиции меньшинства к основному большинству. Принимая тезис о том, что «группы риска», к числу которых относится и интересующее нас салафитское течение, представляют группы меньшинства, мы можем утверждать, что они ущемлены в своем социальном статусе и подчиняются доминирующей группе. При этом большинство участников доминирующей группы в описанных республиках никогда не сталкивались лично с представителями «групп риска», однако, находясь в информационном поле ислама, имеют свое мнение относительно меньшинства. Информационное поле жителей республик формируется средствами массовой информации и высказываниями лидеров мнений. Риторика в СМИ и высказывания правящей элиты создают негативный образ «групп риска», что автоматически вызывает отторжение и настороженность большинства населения относительно меньшинства. Как было указано выше, подобное подтверждают и количественные социологические исследования. Однако интересно обратить внимание на более глубокие проявления отторжения (если такие есть), чем просто анонсирование настороженности по отношению к меньшинству со стороны жителей этих республик. С этой целью была проведена серия интервью с жителями Таджикистана и Киргизии (по 12 интервью в каждой республике). Отбор основных количественных характеристик информантов (гендер, возраст, вероисповедание) в точности соответствовал отбору для количественных исследований республиканских коллег, но были добавлены качественные показатели — опыт участия в миграционном процессе и отсутствие взаимодействия с представителями радикализированных групп.

В целом подтверждая данные исследований общественного мнения относительно общего негативного отношения к группам риска, отметим следующие принципиальные результаты глубинных интервью, дополняющие данные количественных исследований в двух республиках.

Главной причиной отторжения представителей нетрадиционного ислама являются не столько экстремистские действия и идеи радикального характера²¹

¹⁸ См. также: The Global economy. URL: <https://ru.theglobaleconomy.com/Tajikistan/muslim/> (accessed: 05.08.2018).

¹⁹ Хамрабаева Н. Исследование: радикализм в Таджикистане — светский или исламский [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/15ldp> (дата обращения: 04.08.2018).

²⁰ См. также: ОБСЕ представило исследование о тенденциях радикализации в Таджикистане [Электронный ресурс] // Азия-Плюс. URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20120620/obse-predstavila-issledovanie-o-tendentsiyakh-radikalizatsii-v-tadzhikistane> (дата обращения: 04.08.2018); Султанов А. В Кыргызстане исследуют отношение общественности к экстремизму [Электронный ресурс] // Каравансарай. URL http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/newsbriefs/2016/11/07/newsbrief-01 (дата обращения: 04.08.2018).

²¹ Султанов А. В Кыргызстане исследуют отношение общественности к экстремизму [Электронный ресурс] // Каравансарай. URL http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/newsbriefs/2016/11/07/newsbrief-01 (дата обращения: 04.08.2018).

(как демонстрируют нам количественные исследования), сколько отличия в их поведении от принятого в этих регионах. Здесь и далее приводятся примеры прямой речи информантов (характеристики информантов: семейные, рабочих специальностей, имеют опыт участия в миграционном процессе, возраст от 23 до 32 лет, принадлежат к традиционному для исследованного региона исламу и не имеют опыта взаимодействия с людьми, совершившими переход в нетрадиционные ветви ислама):

«По движениям можно их вычислить [салафитов]... Вот мы, допустим, когда молимся, мы вот стоим, а они будут стоять... сложа руки... Да, да... Вот как-то так... А они, как-то по-другому... Но вот как-то он неестественно себя ведет» (Таджикистан).

«... Там [в исламе] есть каноны, их читают, а он [салафит] это не читает, он не слушает это... просто стоит и все» (Киргизия).

Помимо нетипичного поведения, информанты предполагают, что представители групп риска принимают наркотические вещества, что вызывает отторжение:

«Но если вот говорить, что они [салафиты] наркоманы, они уже в церковь не имеют право ходить... его не пускают. Если, допустим, кто-то узнает, то они [служители мечети] близко к себе его не подпускают. Они его начинают отталкивать. Если, например я бы был им, я уже не имею право туда [в мечеть] ходить. Потому что Кораном запрещается, и все».

Именно проявления инаковости в повседневном поведении, в том числе и в религиозных обрядах, является главной причиной отторжения меньшинства. Идеи радикального характера или экстремистские действия последних в качестве причины отторжения респондентами самостоятельно без подсказки интервьюера) не называются. Тому можно выделить три причины. Во-первых, отсутствие у большинства представлений о конкретных идеях или деяниях экстремистского характера.

«Понимаете, я не знаю [идеи групп риска]...»

«Нет, сознание Халифата — это игиловцы... Салафиты... тоже, да... какое-то течение, но сказать, что они именно хотят... нет, не могу».

Во-вторых, интуитивное отделение террористических групп от радикализованных групп. Для информантов из Таджикистана характерно также противопоставление запрещенной в РФ группировки «ИГИЛ» всем остальным группам.

«Нет... есть, конечно, сумасшедшие, везде есть... [и в радикальных организациях], но не так, чтобы он тот [террорист], а этот не тот, просто живут себе».

«Тут, допустим, верных больше, чем неверных. Представьте себе сто человек, из них, может быть, два верных, а остальные не все верные, что же — убивать всех?.. Так вот рассказываю, если он [представитель группы риска] увидел неверного, он старается от него отойти, он его не выгоняет даже, но он отходит от него в сторону... И потом другому говорит — сволочь он!»

«Ну, эти вообще ярые фанатики [ИГИЛ]. Да, у них совсем отдельное течение. Если смотреть по отношению к религии, у них близкого ничего к религии нет».

«Он вот кричит Аллах Акбар [про ИГИЛ], а сам, может быть, даже не знает этого слова. Вот что такое?.. Может быть, и не знает... Но они до фанатизма доводят все».

В-третьих, сопричастность большинства к общей несправедливости бытия, которое, по мнению информантов, испытывает и меньшинство. В данном случае

речь идет об имущественной пропасти между богатыми и бедными, доступе к образованию, физически тяжелой работе, эмоциональной усталости. Выражая эту сопричастность, информанты в определенной мере оправдывают ее или, по крайней мере, понимают причины перехода граждан в ранг меньшинства. В Таджикистане, по мнению информантов, несправедливость бытия присутствует внутри страны, в то время как для Киргизии — за ее пределами, во время миграции. Это утверждение вызывает особый интерес, так как, по данным статистики МВД, де-факто все происходит ровно наоборот: граждане Киргизии совершают переход в нетрадиционные ветви ислама в большинстве случаев на территории своей республики, в то время как граждане Таджикистана — во время миграционного процесса за пределами страны. Вот что говорят информанты из Таджикистана:

«Я вам сейчас объясню... Шибко много дорогих машин, видите?.. Это папы или мамы сидят где-то высоко, высоко... Это очень дорогие машины, это родители своим сыновьям купили... у нас нет такого, и у детей не будет... и что тут делать? И так все живут».

«Понимаете... все встало, все заводы встали, вся промышленность стоит. В буквальном смысле довели до упадка. Вот ты не поверишь, но с ГЭС экскаватор украли. Вот так и живем... конечно, тут возмутишься, и чего угодно сделаешь, особенно молодой если... и уйдешь куда не нужно» [про группы риска].

Информанты из Киргизии также отмечают низкие доходы, тяжелый физический труд, но, в отличие от информантов из Таджикистана — за пределами республики во время трудовой миграции. Все опрошенные в Киргизии информанты говорили о постоянно происходящих на территории России актах насилия на почве этнической вражды по отношению к киргизам. При этом из 12 опрошенных только две женщины сталкивались лично с проявлением насилия в России по отношению к себе. Одна описывала случай в Москве:

«Я ловила машину, такси... он все, сказал, что довезет, а потом позвонил при мне кому-то, сказал, что все хорошо, завез меня на стройку, там уже были друзья его, и били, били ногами. Я скатилась в овраг, овраг там был, это и спасло. Они бросили, не пошли за мной. Убили бы».

Другой случай произошел в Екатеринбурге:

«Зашли в вагон, я с работы ехала, поздно было. Они [нападавшие] напротив сели, а когда выходили, один меня ногой ударил, и выбежали».

Несмотря на то, что только два информанта сталкивались с проявлением насилия в России, во всех интервью в Киргизии присутствовало утверждение, что насилие в России по отношению к киргизам происходит повсеместно. Более того, 11 из 12 информантов утверждали, что акты насилия носят системный характер, существует занимающаяся этим организация — с головным офисом в Санкт-Петербурге (хотя ни один опрошенный не был в этом городе).

«Это же все централизовано [акты насилия]... и финансируется все из Петербурга... это все знают, странно... Вы же живете там — не знаете, кто точно финансирует?»

Таким образом, к причинам оправдания ухода в «группы риска», помимо экономического и социального расслоения, для киргизов добавляется реакция на акты мифологизированного этнического насилия на территории России.

Рассмотрев социальные условия перехода в радикализированные группы (группы риска), а также продемонстрировав отношение местных граждан к по-

добным организациям, представим два исследовательских случая перехода в радикализованные сети. Один случай произошел в Киргизии (Бишкек), другой — в Таджикистане (Душанбе).

Работа с данными о конкретных случаях перехода всегда затруднительна для исследователя, тем более когда речь идет о радикализованных группах, поэтому представленные случаи хотя и нерелевантны для описания механизмов перехода, все же представляют интерес для исследовательской практики, дают возможность использовать их как в сравнительных, так и в сугубо описательных проектах. Приведенные примеры позволяют наблюдать сложный для изучения процесс перехода в группы риска, сбор материалов о котором будет продолжаться и дальше.

Информантами в этой части исследования выступали друзья и родственники граждан Таджикистана и Киргизии, совершивших переход из суннизма ханафитского мазхаба в салафизм. В исследовании представлено два случая подобного перехода, информантами выступили брат и сосед совершивших переход. Оба участника перехода — мужчины в возрасте 21 года и 22 лет. После перехода они покинули свои семьи, не выходят на связь. Оба перехода произошли менее двух лет назад.

Характеристики исследуемых случаев представлены в таблице 2.

Таблица 2. Характеристики участников перехода

Показатели / случай	Киргизия	Таджикистан
Возраст	21 года	22 года
Опыт работы в России	Москва	Ростов на Дону
Образование	Среднее специальное	Среднее
Опыт родителей в миграционном процессе	Отец имеет опыт работы в России	Брат и отец имеют опыт работы в России
Личный опыт работы в РФ	Самостоятельно	Самостоятельно
Домохозяйство	Бишкек, совместно с братом, сестрой и родителями	Душанбе, совместно с двумя братьями и родителями
Место предполагаемого знакомства	Бишкек, точное место не известно	Душанбе, социальные сети, онлайн-общение
Религиозность семьи	Ислам, направление не выявлено	Ислам, суннизм
Посещение религиозных учреждений семьей	Два раза в год, на праздники	Четыре раза в год, на праздники
Соблюдение религиозных ритуалов	Нет	Нет
Материально положение	Денег хватает на продукты, но откладывать не получается.	Денег хватает на покупку техники, но большие покупки, затруднительны
Отношение к салафизму со стороны семьи после перехода	Негативное	Негативное
Отношение к переходу члена семьи	Негативное	Негативное

Для обоих случаев можно выделить общие черты. Во-первых, частичная вовлеченность семей в ислам, то есть позиционирование себя в качестве мусульман, однако отказ от участия в религиозных обрядах, за исключением основных мусульманских праздников. Во-вторых, самостоятельный опыт участника перехода в поездках в Россию. В-третьих, совместное проживание с семьей на ограниченной жилплощади и, как следствие, отсутствие личного пространства. Наконец, похожее материальное положение и образование.

Представители обеих семей не выделяли в ходе интервью семейные конфликты как возможную причину перехода, однако негативно отзывались о большом количестве свободного времени.

«Нельзя так было... я говорил ему [совершившему переход], делай сейчас что-то, а он махал рукой» (Таджикистан).

«Ходил [совершивший переход] туда-сюда, не помогал, говорил, что сейчас отдохнет и снова в Россию поедет, а куда ехать?.. его выслали, только паспорт новый ждать...» (Киргизия).

Интересно, что при возможном отсутствии семейных конфликтов информанты отмечали и низкую частоту коммуникации внутри домохозяйства при компактном проживании всех членов. Эта низкая частота общения сохранялась и на момент проведения интервью в отношениях между братом совершившего переход и родителями. Косвенным подтверждением служит то, что родственники заметили эмоциональные и поведенческие перемены в участнике перехода много позже, чем это сделали его бывшие друзья и соседи. Соседи в обоих случаях утверждали, что изменения в поведении перешедшего были заметны примерно за месяц до ухода. Отмечалось чувство подавленности у готовившихся совершить переход.

Несмотря на то, что члены семьи отрицали наличие конфликта в семье как причину перехода, изменения, замеченные ими за неделю до ухода их родственника, порождали конфликты.

«Я бы не хотел об этом говорить... конечно, сейчас уже думаю... замечаний он [совершивший переход] нам, конечно, не делал, тем более отцу... но он так смотрел... Не говорил практически, ужинать решил отдельно... сложно стало с ним, мы же вместе живем...» (Таджикистан).

Таким образом, в обоих случаях члены семей и друзья совершивших переход мужчин рассматривают их поступок как спонтанный и неожиданный. Это может быть вызвано двумя причинами: первая — малая коммуникационная активность совершившего переход и его окружения; вторая — спонтанное решение, принятое на фоне замалчивающегося в интервью события.

Заключение

Настоящая статья подчеркивает необходимость исследований социальных условий перехода участников миграционного процесса в радикализованные сети. Учитывая, что индивиды подвергаются идеологической радикализации как на индивидуальном уровне, так и на социально-структурном, определение социальных предпосылок этого процесса среди транснациональных мигрантов имеет большое значение в выявлении целостной картины.

В статье выдвигается предположение, что государственная политика в отношении религии непосредственно влияет на формирование траекторий вовлечения транснациональных мигрантов в группы риска. В проведенном исследовании основное внимание уделяется различию в политике контроля над религиозными учреждениями, а также над религиозным образованием за рубежом. Таджикистан отличается от Киргизии гораздо более сильным государственным контролем в отношении религии, что косвенно обуславливает большую вероятность вовлечения в радикализованные организации на территории принимающей страны — России, в то время как граждане Киргизии в связи с более свободной ситуацией в отношении религии на территории республики подвергаются большему риску в собственном государстве. Это подтверждает и статистика МВД, приведенная в тексте статьи.

Кроме того, отсутствие четкой связи между радикализованными, экстремистскими и террористическими группами проявляется и на уровне повседневного знания населения изучаемых республик. Информанты интуитивно разделяют эти группы, а в Таджикистане также и противопоставляют запрещенную в РФ группировку ИГИЛ всем остальным. Тем не менее основной причиной отторжения нетрадиционного ислама являются не сами идеи радикалистского толка, а скорее проявления различий на уровне повседневных практик. Сам же переход в радикализованные группировки, несмотря на неодобрение, в определенной мере оправдывается информантами. Основная причина — разделяемая риторика об общей несправедливости бытия, выражающаяся в недовольстве и озабоченности социальными проблемами как на территории собственного государства, так и на территории Российской Федерации. Стоит отметить, что именно чувство несправедливости и является одним из инструментов в вербовке. Создавая нарратив «победителя», эта группировка целенаправленно обращается к маргинализированным в определенных социальных условиях мусульманам, а также потенциальным новообращенным.

Таким образом, социально-структурные условия, сложившиеся в странах-участниках транснационального миграционного процесса, влияют не только на траекторию вовлечения участников процесса в радикальные группировки, но и при определенных условиях увеличивают риски вовлечения. При этом проблемы на макроуровне, ощущаемые на индивидуальном и групповом уровне в терминах несправедливости, выражаются информантами в таких категориях, как пропасть между богатыми и бедными, сложный доступ к образованию, физически тяжелая работа, эмоциональная усталость и т. д.

Список литературы (References)

- Бектурганов К. Б.* О становлении и развитии социологии в Кыргызстане // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 46—51. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/963/631/1219/Bekturganov_6.pdf (дата обращения: 04.08.2018).
- Bekturganov K. B.* (2008) On the formation and development of sociology in Kyrgyzstan. *Sociological Studies*. No. 10. P. 46—51. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/963/631/1219/Bekturganov_6.pdf (accessed: 04.08.2018). (In Russ.)

- Дюшенбиев С. У. Ислам в современном Кыргызстане: состояние и проблемы // Религиоведение. 2011. № 3. P. 107—126.
- Dushembiev S. U. (2011) Islam in contemporary Kyrgyzstan: the state and problems. *Religious Studies*. No. 3. P. 107—126. (In Russ.)
- Лисицын П. П. Миграционный процесс: мигрант, работодатель, государство. СПб. : СПбГЭУ, 2016.
- Lisitsyn P. P. (2016) The Migration process: the migrant, the employer, the state. St Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. (In Russ.)
- Сравнительная социология / под. ред. А. В. Резаева. СПб., 2015.
- Comparative sociology (2015) Ed. by V. Rezaev. St. Petersburg. (In Russ.)
- Чотаев З. Д., Турсунбеков З. А., Жумакунов Э. М., Сманова Н. Т., Гайббаева А. Т. Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане», 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/44221230-Gosudarstvennaya-komissiya-po-delam-religiy-kyrgyzskoy-respubliki-metodicheskoe-posobie.html> (дата обращения: 04.08.2018).
- Chotaev Z. D., Tursunbekov Z. A., Jumakhonov E. M., Smanova N. T., Gabaeva A. T. (2015) The State policy in the religious sphere and the main religious movements in Kyrgyzstan. URL: <https://docplayer.ru/44221230-Gosudarstvennaya-komissiya-po-delam-religiy-kyrgyzskoy-respubliki-metodicheskoe-posobie.html> (accessed: 04.08.2018). (In Russ.)
- Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102—108.
- Yudina T. N. (2002) On sociological analysis of migration processes. *Sociological Studies*. No. 10. P. 102—108. (In Russ.)
- Abrahms M. (2008) What Terrorists Really Want: Terrorist Motives and Counterterrorism Strategy. *International Security*. 32 (4). P. 78—105.
- Atran S. (2006) The Moral Logic and Growth of Suicide Terrorism. *Washington Quarterly*. 29 (2). P. 127—147.
- Bartlett J., Miller C. (2012) The Edge of Violence: Towards Telling the Difference between Violent and Non-Violent Radicalization. *Terrorism and Political Violence*. 24 (1). P. 1—21. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.594923>.
- Crone M. (2016) Radicalization Revisited: Violence, Politics and the Skills of the Body. — *International Affairs*. 92 (3). P. 587—604.
- Dawson L. L. (2009) The Study of New Religious Movements and the Radicalization of Home-Grown Terrorists: Opening a Dialogue. *Terrorism and Political Violence*. 22 (1). P. 1—21.
- Greil A. L. (1977) Previous Dispositions and Conversion to Perspectives of Social and Religious Movements. *Sociological Analysis*. 38(2). P. 115—125.
- Heirich M. (1977) Change of Heart: A Test of Some Widely Held Theories about Religious Conversion. *American Journal of Sociology*. 83(3). P. 653—680.

Jones R. K. (1978) Paradigm Shifts and Identity Theory: Alternation as a Form of Identity Management. In: *Identify and Religion*. P. 59—82.

Lyons-Padilla S., Michele J. G., Hedieh M., Mehreen F., Marieke van E. (2015) Belonging Nowhere: Marginalization & Radicalization Risk among Muslim Immigrants. *Behavioral Science & Policy*. 1 (2). P. 1—12.

McCauley C., Moskalkenko S. (2017) Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model. *American Psychologist*. 72 (3). P. 205—2016.

McCauley C., Moskalkenko S. (2011) *Friction: How Radicalization Happens to the Them and to Us*. New York: NY: Oxford University Press.

Moghaddam F. M. (2005) The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration. *American Psychologist*. 60 (2). P. 161—169.

Porta D. D., LaFree G. (2012) Guest Editorial: Processes of Radicalization and De-Radicalization. *International Journal of Conflict and Violence*. 6 (1). P. 4—10.

Schmid A. P. (2013) Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. In: ICCT Research Paper, The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 10.

Silber D. M., Bhatt A. (2007) *Radicalization in the West: The Homegrown Threat*. New York: New York Police Department, 16.

Snow D. A., Machalek R. (1983) The Convert as a Social Type. In: *Sociological Theory*, ed. R. Collins. San Francisco: Jossey-Bass.

Straus R. A. (1979) Religious Conversion as a Personal and Collective Accomplishment. *Sociological Analysis*. 40 (2). P. 158—165.

Victoroff J. (2005) The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches. *Journal of Conflict Resolution*. 49 (1). P. 3—42.